

чете его за шею,—онъ даже не улыбнется, согнетъ головку, какъ будто отгоняясь отъ мухи, и опять весь отдается таинственному поэтическому разсказу: какъ сама разорвалась церковная завѣса и темно сдѣлалось на землѣ,—ему и жутко и хорошо.

«Но вотъ учитель кончилъ разсказывать, и всѣ поднимаются съ мѣста и, толпясь къ учителю, перекрикивая одинъ другого, стараются пересказать все, что удержано ими. Крикъ поднимается страшный, — учитель насилу можетъ слѣдить за всѣми. Тѣ, которымъ запретили говорить въ увѣренности, что они знаютъ, не успокоиваются этимъ: они приступаютъ къ другому учителю, если его нѣтъ—къ товарищу, къ постороннему, къ истопнику даже, ходятъ изъ угла въ уголь по-двое, по-трое, прося каждаго ихъ прослушать. Рѣдко кто разсказываетъ одинъ. Они сами отбираются группами, равными по силамъ, и разсказываютъ, поощряя, поджидая и поправляя одинъ другого. Какъ только повысказались, успокоились, приносятъ свѣчи, и уже другое настроеніе находитъ на мальчиковъ.

«По вечерамъ вообще и въ слѣдующихъ классахъ меньше возни, криковъ, больше покорности, довѣрія учителю. Особенное отвращеніе замѣтно отъ математики и анализа и охота къ пѣнію, чтенію и особенно къ разсказамъ... Часовъ въ восемь уже глаза соловѣютъ; начинаютъ позѣвывать, свѣчки темнѣе горять — рѣже снимаютъ, — старшіе удерживаются, младшіе—худшіе засыпаютъ, облокотившись на столъ, подъ пріятные звуки говора учителя».

ГЛАВА V.

Свобода, равенство, братство.

Одна изъ особенностей деревенской школы Толстого состояла въ томъ, что дѣтямъ позволялось уходить изъ нея